

«ОБРАТНЫЕ ВОЛНЫ» В МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Данная статья посвящена актуальной проблеме конфронтации модернизационных процессов с традиционализмом на протяжении длительного исторического периода – с древности до средневековья, как в Европе, так и на Востоке. Представлена главная идея о том, что существует взаимосвязь между «триумфом традиционализма» и «обратными волнами» в западной и восточной истории государственного управления. Такие периоды называют «темными веками»: между европейской античностью и средними веками, так называемые У-дай («Пять династий») в средневековой китайской истории и т.п. Обсуждалось заключение о том, какие существуют «обратные волны» в нашей стране и зарубежных странах. Большое внимание было уделено модернизации в Японии.

Ключевые слова: «обратные волны», модернизация, государственное управление, древность, средние века, Новая история, «темные века», «переходный период», государственная служба.

В процессе модернизации государственного управления неизбежны откаты назад, своеобразные «обратные волны». Периоды, совпадающие с такими «обратными волнами», обычно получали название «темных веков». Они служили переходным периодом к новой модернизации общественной жизни тех или иных государств. Наиболее известный период регресса, «торжества традиционализма» в конфронтации с цивилизацией и модернизацией, был в европейской истории – средние века. «Тьму европейского средневековья» составили развалины античных крепостей, дворцов, театров, других «обломков мраморной античности». Европейские территории после падения Западной Римской империи приходили во все большее запустение. Лишь речные артерии связывали между собой обособившиеся земли Европы. Изредка среди лесов попадались укрепленные замки и селения вилланов. Такая картина европейского развития сильно отличалась от блестящей античной цивилизации Греции и Рима. Налицо был явный регресс.

Неслучайно в 1000 г. европейское население с ужасом ожидало конца света. Казалось, гибель Европы была неминуемой. Однако постепенно процессы феодализации расчистили путь прогрессивному развитию ведущих европейских стран: последовали Великие географические открытия, произошло Возрождение, наступила эпоха первоначального накопления

---

*© Мартышкин С.А., 2016

Мартышкин Сергей Алексеевич – профессор кафедры государственного и муниципального управления Самарского университета

капитала. Европа вырвалась вперед в вечной конкуренции с Востоком, добила его колониального подчинения себе. Европа в Новое время благодаря модернизации превратилась в эпицентр мирового экономического развития, задавая тон внеевропейским территориям. Период европейского средневековья стал идеалом для романтизма Нового времени и главной мишенью критики сторонников дальнейшего общественного прогресса.

На фоне общего регресса возникали такие явления, как Равеннский расцвет, Каролингский ренессанс, ирландская религиозная миссия на европейском континенте. Однако они не определяли общей направленности европейского общественного развития. Как образно отметил политолог А.Б. Зубов, «все это были лишь яркие созвездия ночного неба европейского средневековья, ставшего розоветь только накануне эпохи крестовых походов»[1, с. 63].

Послемикенский регресс в истории Древней Греции между 900 и 650 гг. до н.э. расчистил дорогу античной модели развития, которая, в свою очередь, сделала Европу моделью развития, такой непохожей на остальной мир. Греческое общество оказалось отброшенным в своем развитии на почти исходную черту – на стадию разложения первобытного строя, военной демократии. Существовавшая еще раньше микенской цивилизации минойская цивилизация Древнего Крита погибла, уступив место микенскому периоду. Он оказался отделен от минойской цивилизации таким же примерно 300-400-летним периодом регресса, как и сама микенская цивилизация от периода античности.

На внеевропейских территориях имелись свои «темные века» и «обратные волны». Древний Египет пережил два «переходных периода» по 100-200 лет каждый. Тогда в Египте приходили в состояние упадка и развала государственное управление, экономика, сама цивилизационная модель. Локализм, олицетворявший традиционалистские тенденции, с успехом некоторое время противостоял централизации государственной власти[2, с. 48].

В Передней Азии, Индии и Китае взаимосвязь между модернизацией и традиционализмом была менее очевидной, но все-таки имелась. В этих странах и регионах трудно выделить «темные века» и «переходные периоды». В странах азиатского региона имелся свой ритм чередования периодов цивилизационного развития, так называемый «бег по кругу», возвращавший те или иные страны к исходному моменту в их общественном развитии. При желании можно трактовать эти особенности противостояния модернизации и традиционализма в азиатских государствах в качестве примера «обратных волн» и «темных веков», составлявших специфические «династические циклы» [3, с. 13].

Неоднократно «темные века» возникали в истории государственного управления в Передней Азии, в Месопотамии: между шумерским и вавилонским периодами государственности, между отдельными этапами в истории Вавилонии, Ассирии и некоторых других государств региона. Между расцветом так называемой хараппской цивилизации в долине Инда и

приходом индоариев в Индию (в долину Ганга) прошло несколько веков. Кроме того, индская и гангская (арийская) цивилизации оказались разделенными территориально сотнями, если не тысячами километров. Только вхождение долин Инда и Ганга в состав одного государства – Индии – при британском владычестве и накануне его, при Великих Моголах, позволяет включать столь отдаленные друг от друга хронологически и территориально цивилизации в общий цивилизационный круг – индо-буддистскую цивилизацию, по С.П. Хантингтону и др. Само существование «темных веков» в истории государственного управления в Индии при этом не ставится под сомнение.

В Древнем Китае наблюдался упадок власти правителя-вана с одновременном усилением удельного, традиционного сектора власти. Период с 5 по 3 столетие до н.э. даже получил наименование «сражающихся царств» (Ле го). Это был «темный», переходный этап в жизни китайского общества и государственности.

В средневековье на Востоке было много примеров «обратных волн» и «темных веков». Междоусобицы, противостояние между политикой модернизации государственности и стремлением сохранить традиционные ценности сокрушили Сасанидский Иран, покоровшийся арабийскому исламу в 7 в. Междоусобицы в арабских исламских государствах, в свою очередь, сделали их добычей монгольских завоевателей в 13 в. Кризис военно-феодальной системы в Османской империи, наступивший в 16 в., ослабил ее натиск на европейские территории, и привел в конечном счете к превращению Турции во второразрядную государственность. Упадок Ирана в 18 в. стал причиной ослабления этого исламского государства, противостоявшего Турции и европейской экспансии на Востоке. Системный кризис ослабил империю Великих Моголов в Индии накануне британского владычества.

Распад империи Хань в Китае в ранее средневековье означал новый виток «темных веков» в истории китайской государственности. Впервые часть страны оказалась под властью иноэтнических завоевателей, которые однако быстро китаизировались. Более полувека продолжался следующий «переходный период» в Китае – эпоха 5 династий (У-дай) в 10 в. – период разброда и междоусобных войн. Не менее острые внутренние кризисы в истории китайской государственности в 13 и 17 в. привели к новым утратам суверенитета страны, завоеванной вначале монголами, а потом маньчжурами.

В истории государственного управления Бирмы в 11-12 в. выделяют «темные века», когда страна была разорена внутренними усобицами и войнами с Цейлоном. Религиозно-идеологическая борьба индуизма с буддизмом в Камбодже в 13 в. дополнялась политической конфронтацией, в результате которой рухнула Ангорская империя. «Темные века» стали реальностью истории камбоджийской государственности. Крупные политические потрясения обрушились на Вьетнам в 17-18 вв., в эпоху «темных веков» вьетнамской государственности. Противоборство между

множеством мелких государств в Индонезии в 15-16 вв. способствовало дальнейшему колониальному захвату страны голландцами.

Кризис государственного управления не миновал также Корею в 16 в. Усилилась угроза ее государственному суверенитету. Япония попыталась завоевать Корею в ходе Имджинской войны 16 в. Затем Корея долгое время считалась вассалом Минской империи. В конце 19 в. усилилась зависимость Кореи от Японской империи, частью которой эта страна стала в начале 20 в.

Кризис власти в раннесредневековой Японии вызвал необходимость преобразований государственного управления в 7 в. (переворот Тайка), а затем установления сёгуната (Минамото) в 11 в. Новый кризис государственного управления, теперь уже сёгуната, в 16 в. ввергнул Японию в пучину новых политических потрясений. В итоге установилась диктатура узурпатора Тоётоми Хидэёси. Его внешнеполитическая авантюра (Имджинская война) обусловила новые внутривнутриполитические беспорядки в Японии. К власти пришла новая династия сёгунов (Токугава) в 17 в. Потом последовала череда других «темных веков», которые способствовали отставанию Японии от европейских стран. Казалось бы, Япония была обречена на колониальное закабаление европейцами по примеру Филиппин и Индонезии, или, в крайнем случае, на перманентный догоняющий тип развития. Разорвать порочный круг чередования «темных веков» и периодов процветания помогла революция Мэйдзи в Японии в 1868 г.

Следует отметить, что периоды процветания и спокойствия в жизни государств дальневосточной (китайской) модели развития или заимствовавших данную модель вовсе не означали сами по себе ускорения развития общественной жизни по модернизационной схеме. Наоборот, в китайской истории государственного управления периоды правления династий Сун и Мин, ставших образцами дальневосточной системы государственной службы, являлись временем наибольшей деспотичности власти и государства в Китае за всю его многовековую историю. Показательно, что китайская бюрократия формировалась тогда за счет большого притока извне прежнего служилого сословия, достигая показателей примерно 50% численности чиновничества-шэньши. Это был наивысший процент притока служилого и служащего китайского сословия из-за пределов самого этого бюрократического слоя населения страны.

Такой парадокс объясняется большей, чем обычно, обязанностью чиновничества своим назначением и прохождением службы государственному механизму, а значит усилением данного аппарата, заметной частью которого служили шэньши. Бюрократизация государственного управления во все эпохи и во всех странах приводила к усилению деспотических тенденций. В принципе бюрократия была врагом модернизации. Исключение составили японские государственные служащие, ближайшее окружение императора, которые не просто разделяли модернизационные идеи, но и помогли главе государства претворить их в жизнь. Так случилось во время реформ Мэйдзи в Японии в середине и второй половине 19 столетия. Советники императора Мэйдзи (генро) осознали, что

для того, чтобы выдержать натиск европейской экспансии, надо завести у себя в стране такие же армию и флот, а для этого требуется провести модернизационные политические и управленческие реформы: нужны парламент и конституция, как в странах Запада. Пусть раньше Япония не знала подобного опыта, без него было не обойтись во второй половине 19 в.

Усвоение западного опыта оказалось весьма полезным для ускорения развития Японии. Ничего похожего не произошло в истории других восточноазиатских государств, Китая и прочих стран дальневосточной модели государственного управления. Они оставались приверженцами традиционных методов развития, что делало их уязвимыми в противостоянии с западными государствами, способствовало их превращению в колонии или полукolonии последних. Лишь в середине – второй половине 20 в. Корею и Китаю удалось отчасти преодолеть на новой государственно-политической основе прежние традиционалистские тенденции в своем развитии, так долго и мощно заявлявшие о себе в измененных формах (тоталитаризм Северной Кореи, государственные перевороты и политическая нестабильность Южной Кореи, маоистские общественные эксперименты типа «большого скачка» и «культурной революции»).

Если обратиться к цивилизационному наследию стран Востока, можно сформулировать основные факторы, способствовавшие или наоборот препятствовавшие модернизации общественной жизни этих стран. Для этого необходимо напомнить основные модели цивилизационного развития Востока. К ним относятся по классификации С.П. Хантингтона мусульманская, индо-буддистская, китайско-конфуцианская и японская цивилизации. Мусульманская цивилизация ориентирована на традиционные ценности, ассоциируемые с исламом, и не приветствует модернизацию. Буддизм, зародившись в Индии, распространился в других странах Азии. Буддистская идеология в целом также сориентирована на традиционные ценности и противостоит модернизации. В еще большей степени приверженность традиционализму и неприятие модернизации демонстрирует индуизм. Китайско-конфуцианская цивилизация признает наивысшими ценностями спокойствие и соответствие иерархии, в то время, как модернизация общественной жизни ломает ее привычные рамки и изменяет общественные устои. В итоге бастионом традиционализма выступили мусульманское (ближневосточное), индийское (индуистское) и китайское (конфуцианское) общества. Со времен раннего Нового времени европейцы привыкли рассматривать азиатское общество как пример самого худшего деспотизма (восточный деспотизм) и общественного застоя (традиционализма в его примитивных формах). Это нашло отражение и в художественном творчестве европейцев. Достаточно вспомнить поэму «Запад и Восток» Р. Киплинга, в которой автор утверждает о неизменности свойств общественной жизни представителей двух миров – восточного, косно-неподвижного, и динамично развивающегося Запада.

Исключением в Новое время послужила история государственного управления Японии. Эта страна не только детально усвоила западный опыт

государственного развития, но и творчески применила его на практике в ходе и после знаменитых реформ Мэйдзи на рубеже 19-20 вв. Это позволило Японии стать вровень с западными странами в первой четверти 20 столетия, уже в 1911 г. отменив неравноправные договоры с ними, заключенные прежде, в середине 19 в. Существовали определенные факторы такого творческого усвоения японцами западного опыта государственного управления. К ним можно отнести, во-первых, отсутствие боязни в усвоении чужого государственного и культурного опыта вследствие убеждения в избранности японского пути развития, когда сама природа оберегала Японию от внешних завоеваний («божественный ветер» - камикадзе, дважды спасавший страну от попытки завоевать ее, предпринятой монгольской империей Юань в 13 в.), и, во-вторых, большую однородность японской цивилизации на всей территории страны, облегчавшую усвоение иностранного государственного опыта. Оба эти фактора обычно называли не только сами японцы, но и иностранные исследователи особенностей японской цивилизации[4, с. 23].

Усиление авторитарных тенденций в Японии накануне и во время 2 мировой войны можно считать откатом к традиционализму, отказом, хотя бы частичным, от пути модернизации, т.е. «обратной волной» в цивилизационно-модернизационном развитии страны в середине 20 столетия. Участие милитаристской Японии в экспансии на Тихом океане в 30-40-е гг. 20 в. только подтверждает факт ее неполного усвоения в свое время модернизаторских ценностей, «разбавлением» их традиционализмом (принцип Хакко ити у – «8 углов мира под одной крышей»). Специфика японской модели модернизации состоит именно в сочетании модерна с традиционализмом (антимодерном) в той или иной пропорции. Величина этой пропорции колебалась в зависимости от конкретно-исторической ситуации в стране и в мире в целом. Послевоенная Япония снова встала на путь ускоренной модернизации, чему способствовала ее цивилизационная, буддистско-синтоистская и отчасти конфуцианская традиция (если рассматривать трансформированное конфуцианство в качестве части этой традиции).

В результате сформировался особый путь модернизации Японии, называемый исследователями этой страны «нихондзин рон» или «нихон бунка рон». Некоторые исследователи – японоведы утверждают, что исключительную роль в организации процесса модернизации Японии сыграла буддистская секта «чистой земли» - «Дзёдо синсю», послужившая своеобразным аналогом отмеченной М. Вебером важной роли протестантской этики в модернизации стран Запада (можно напомнить его работу «Протестантская этика и дух капитализма»).

Также заметен вклад в формирование японских модернизационных ценностей «посюсторонней» конфуцианской этики, в отличие от «потусторонней» конфуцианской морали, принятой в самом Китае. Речь идет об отличии японского конфуцианства, сложившегося в средневековье, от традиционной трактовки учения Конфуция китайскими авторами. В

средневековой Японии конфуцианство стало идеологией военно-служилого сословия – самурайства (принцип «среди цветов – вишня. Среди людей – самурай»), тогда как в Китае оно оставалось идеологией чиновничества-шэньши. В эпоху перемен Мэйдзи в Японии молодое самурайство в основном стало поборником модернизационных перемен, тогда как в Китае чиновничество было традиционным оплотом косности и застоя общественной жизни. Так сходные изначальные позиции накануне модернизации привели к различным общественным последствиям в Японии и Китае (и в других странах дальневосточной модели государственного развития).

Эти различия изучили китайские ученые Чэн Банхэ, Чэнь Цзисинь, японские авторы Кувабара Такэо, Огуро Тацуо и др. (Чэн Банхэ. «Тип и своеобразие культуры и развитие общества – предварительное сравнение китайской и японской культур». Чэнь Цзисинь. «Сравнение китайской, японской и западной модели модернизации». Кувабара Такэо. «Япония и западная цивилизация». Огуро Тацуо. «Вы – немцы, мы – японцы. Сравнение менталитета и образа мышления»)[4]. Любопытное кросс-культурное сравнение, проливающее свет на проблему темпов и факторов процесса модернизации в Японии, содержится в труде И. Бен-Дасана (Ямамото Ситихэя) «Японцы и евреи»[5].

Заметный вклад в развитие теории модернизации внес китайский ученый Хэ Чуаньци, методика которого была положена в основу применяемого российскими исследователями опыта определения индексов модернизации регионов[6].

Данная статья является продолжением исследования традиционной государственности и процесса ее изменения, осуществленного в статьях С.А. Мартышкина[7]. Избранная автором статьи тема исследования требует продолжения на новом фактическом материале. Кроме того, необходимо расширять методологию исследования, благодаря использованию системного подхода[8] и современных достижений теории менеджмента [9] [10].

Библиографический список

1. Зубов А.Б. «Вестминстерская модель» и общественное бытие Востока//Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Выпуск 1. М.: Наука, 1991. – С. 50-75.
2. Мартышкин С.А. Локализм и централизация власти в раннегосударственных образованиях//Современные проблемы управления. Выпуск 10. Самара: Развитие, 2016. – С. 46-56.
3. Мартышкин С.А., Термелева Е.Е. Специфика государственного управления на Востоке//Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 1 Международная научная конференция (Самара, 24 июня 2015 г.). Самара, Самарский университет, 2015. – С. 13-18.
4. Япония в сравнительных социокультурных исследованиях. Часть 2/Под ред. М.Н. Корнилова. М.: ИНИОН, 1990. – 106 с.

5. Ben Dasan. I. The Japanese and the Jews. N. Y., 1963.
6. Самарская область. Социокультурный портрет/Под ред. С.А. Мартышкина, Д.М. Шабунина. Самара: Глагол, 2014. – 326 с.
7. Мартышкин С.А. Союзы государств как ранняя форма территориального устройства: историко-управленческий аспект//основы экономики, управления и права. 2012. № 6 (6). С. 42-47.
8. Ключников С.А. Уровни целостности социальных систем // Вопросы философии. М., 2013, №4 с. 3-7
9. Термелева А.Е. Сравнительный анализ подходов управления проектами и традиционного менеджмента [Текст] /А.Е.Термелева// Стратегические ориентиры развития экономических систем в современных условиях: межвуз. сб. ст./ под общ. ред. Н.А. Дубровиной. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2015. – Вып. 3 – 198с. С 173 – 179
10. Термелева А.Е. Использование методологии управления проектами в системе инновационного развития региона//Основы экономики, управления и права. 2013 №6 (12) С. 79-82

S.A. Martyshkin*

“REVERSE WAVES” IN WODERNIZATION OF STATE ADMINISTRATION

The article is devoted to the actual problem of the modernization processes and traditionalism confrontation during long historical period from ancient times to the end of the medieval ages both in Europe and the East. Main idea was presented about connection between “triumph of traditionalism” and the “reverse waves” in the Western and Eastern history of State Administration. Such periods of times were called “dark ages”: between European ancient civilizations and the Middle ages, so called Wu-tai (“Five dynasties period”) in the medieval Chinese history etc. The conclusion was discussed about the Modern “reverse waves” in our country and some foreign states. Main attention was made to the modernization in Japan.

Key words: “reverse waves”, modernization, state administration, ancient times, medieval times, Modern period of history, “dark ages”, “transition period”, state service.

---

*© Martyshkin S.A.

Martyskhin Sergey Alekseevich - Head of State and Municipal Administration department of Samara University, Professor